

Фильм «Сибирский цирюльник», не успев появиться на экранах страны (он идет пока только в Москве), уже вызвал шквал разноречивых оценок — от восторга до полного неприятия. И это понятно: ведь картина Никиты Михалкова — не только очередная работа признанного мастера, а и своего рода гражданский, политический манифест художника, который (очевидно, не без оснований) претендует сегодня на роль одного из духовных лидеров нации. Предлагаем спектр мнений о фильме, о затронутых в нем проблемах.

Георгий КАПРАЛОВ,
доктор искусствоведения;

— Такой овации и воодушевления, какими встретила всегда атакующе настроенная журналистская и кинокритическая аудитория Никиту Михалкова и его творческую группу, появившуюся в кинозале после просмотра «Сибирского цирюльника», я не припомню. Это не значит, что все были единодушны в оценках и впечатлениях от увиденного. Но ощущение значительности события, какого-то важного прорыва в отечественном кино было преобладающим.

Изумлял уже масштаб российского проекта, осуществленного на основе новейших технологий и с мощной художественной энергией. Поражало и режиссерское решение ряда незабываемых эпизодов, в которых, казалось бы, все было точно рассчитано и тут же словно взрывалось вдохновенной импровизацией.

Гордое, готовое любой ценой защищать свою честь и достоинство юнкерство. Романтическая влюбленность и горячее убеждение в том, что высокие нравственные нормы ни при каких условиях нельзя преступить. Интрига во имя бизнеса, в котором мораль не принимается в расчет. Красочная карусель народной жизни шалашинско-кустодиевского размаха. Монархический восторг и дикое солдафонство. Нешуточный конфликт и шутство. Мелодрама и трагедия. Психологический монолог и театрализованное действо...

Все умещается на этом кинополотне. Все блестяще разыграно замечательным актерским ансамблем, который Михалков умеет собрать под свою дирижерскую руку для каждой новой постановки (на сей раз это Олег Меньшиков, Джулия Ормонд, Ричард Харрис, Алексей Петренко, Владимир Ильин, молодая дебютирующая поросль). Операторское искусство (Павел Лебешев) высшего калибра, как и работа художников и композитора (Владимир Аронин, Наталья Иванова, Сергей Стручев и Эдуард Артемьев).

Михалков выстраивает фильм, по его собственному определению, как «народный» и предлагает грандиозное зрелище и одновременно духовное послание, что является одной из труднейших задач, которая встает перед современным художником в наш трагический век разрушения искусства и потери им нравственных и просто смысловых ориентаций. Эта же задача определяет и выбор режиссером регистров и ладов, на которых он проигрывает свою «музыку», что главным образом и вызывает столкновение зрительских вкусов и претензий к фильму.

В то же время осталось как бы не замеченным, что центральный герой — не убийца, не грабитель, не сексуальный маньяк, а почти идеал прекрасного юноши, рыцаря, вступившего в жизнь с поднятым забралом и неколебимой уверенностью, что она прекрасна, и только такой должна быть. Для него и любовь не то, чем, как выражаются ныне в широком обиходе, «занимаются», словно это спортивная гимнастика, а высшее испытание всех духовных сил. Согласимся, случай, мягко говоря, не частый в нашем сегодняшнем кино.

Можно посотевать, что в фильме имеется заметный избыток «аля рюс» — тут и водка под закуску хрустящим на зубах стаканом, и живой медведь, выплывающий наравне с мужиками, и рычащий после выпивки начальник юнкерско-

которой так многословно и громоздко поведal Никита Михалков. Да, название ее известно, и атрибуты, приметы, подробности вроде бы совпадают. Да, в семейных альбомах сохранились старые глянцевые открытки, которые сразу вспоминаются при взгляде на экран. Да, были юнкера, конка через Иверские ворота, вагоны первого класса, блины с икрой на масленицу, чадолюбивый император — «отец солдатам», и на кремлевских башнях возвышались не звезды рубиновые, а сверкающие на солнце орлы. Все это было, как и множество других вещей, в умирную михалковскую картину России, которую мы потеряли, вовсе не впи-

«скользкой» мастикой, кажется очень смешной, то минут через семь гзги начинают раздражать; если прощание юнкеров со своим сосланным на каторгу товарищем поначалу потрясает, то через несколько минут потрясение сменяется недоумением: сколько же можно?

Режиссер имеет возможность, в отличие от обыкновенных, не ослепленных режиссерским даром людей, трансформировать прожитое и пережитое в идеальное. Михалков поместил в «своей» России все, через что прошел и что считает важным и нужным для себя, для семьи, для страны. Он даже собственные фильмы вспомнил, включив в образ идеальной России и проводы на вокзал из «Родни» (там, правда, Олега Меньшикова провожали в советскую армию, здесь — на каторгу), и сыгранный им когда-то в старой картине Э.Климова «Спорт, спорт, спорт!» кулачный бой как образ загадочной страны. Где если пьют, то до безумия, если бьют морду, то для радости и взаимного удовольствия, если любят, так до смерти.

ведей, водки, всей этой якобы «развесистой клюквы» в псевдорусском стиле. Но это не «клюква» — это национальный колорит, который мы приветствуем, скажем, в грузинском кино и почему-то осуждаем в русском.

Кроме того, Никита Михалков не идеализирует страну и народ, когда показывает все эти кулачные забавы и обильные возлияния. Как большой художник он вместе с актерами, особенно с гениальным Алексеем Петренко, позволяет себе смеяться, иронизировать над некоторыми особенностями национального характера. Он снял картину в жанре трагикомедии, трагифарса, а это значит — «в жанре» нашей жизни, в которой смех и слезы всегда рядом.

Леонид ПАВЛЮЧИК,
редактор отдела культуры
«Труда»;

— Как режиссер, как постановщик изобильно-щедрого, роскошного, переливающегося цветами и красками зрелища Михалков создал одно из самых впечатляющих

РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ОБРЕТЕМ?

**НИКИТА МИХАЛКОВ ОЧЕРЧИВАЕТ
ЕЕ КОНТУРЫ В СВОЕМ НОВОМ
ФИЛЬМЕ «СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК»**



Михалков материализовал на экране знаменитую триаду «православие — самодержавие — народность». Умудрившись при этом не нарушить соблюдение голливудских законов и даже соединить уникальный русский путь с американским кичевым стандартом. Во всех интервью он просит не прикладывать к «Сибирскому цирюльнику» политических ассоциаций.

Наверное, он прав. Кино есть кино, оно вполне допускает и те исторические вольности, которые позволяют себе Михалков, рассказывая о временах Александра III и трактуя их как золотой век России. Цель в кино почти всегда оправдывает средства. В случае с «Сибирским цирюльником» многомиллионные средства, для меня во всяком случае, не достигли цели. Красивая сказка показалась далекой и холодной, математически просчитанной. Талантливо снятой, мастерски смонтированной игрой ума и фантастической съемочной техники. И не более того. Правда, и не менее...

Михаил ПТАШУК,
народный артист
Белоруссии, кинорежиссер;

— Счастлив, что, оказавшись по делам в Москве, попал на премьеру фильма Никиты Михалкова. Не стану скрывать: я испытал подлинное потрясение от увиденного. То мастерство, с каким сняты моим русским коллегой сцены бала, офицерской дуэли, масленицы, проводы героя на каторгу (перечень можно длить долго), — это высший класс режиссуры. Уверен: фильм будет разобран на цитаты, разворован коллегами-кинематографистами — пусть только они не обижаются на меня — по эпизодам, по кадрам...

Но дело не только в безусловном мастерстве Никиты Михалкова, в котором, думаю, никто не сомневается. Помимо всего прочего, это первая по-настоящему русская картина, которую я увидел за многие годы. Своим духовным пафосом, масштабом она сродни «Войне и миру» Сергея Бондарчука. Лента рассказывает об истории России, о ее гигантских просторах, наконец, о русской душе — таинственной и глубокой. Говорят, что в «Сибирском цирюльнике» много кулачных боев, блинов, икры, мед-

го училища, этаким генерал Топтыгин (не по Некрасову). Но признаем, что «народный» — понятие растяжимое и многоуровневое. Его толкуют по-разному. В частности, такой фильм должен быть щедрым, как говорится, на все вкусы, он должен доставить удовольствие не только своему, но и зрителям других стран. В этом море, я надеюсь, и поплывет наш российский кинематографический «Титаник».

Григорий ЯВЛИНСКИЙ,
лидер фракции «Яблоко»
в Государственной Думе РФ;

— Фильм мне понравился. Он сделан, конечно, в американском стиле, но несет дух здорового патриотизма и гордости за нашу страну, что так необходимо сегодня. Фильм талантливый. Но иначе и быть не могло, поскольку сам Никита Михалков генетически талантлив.

Александр КОЛБОВСКИЙ,
кинокритик;

— Весь вопрос в том, была ли на свете когда-нибудь страна, о

своих творений. Легкость и свобода, с которыми он сталкивает, перемешивает сарказм и печаль, пафос и ерничанье, сибирскую тайгу и массачусетские каньоны, приемы «мыльной оперы» и законы высокой драмы, голливудские стандарты и русскую ментальность, откровенный кич и национальную духовность, русские купола и английскую речь, — эти свобода и легкость постигшие потрясают. Словом, у меня почти нет к Михалкову претензий как к художнику. Но есть вопросы как к идеологу, общественному деятелю, на роль которого он сегодня недвусмысленно претендует.

Вот что удивительно: все говорят и пишут, что Михалков создал образ прекрасной, даже в некотором роде идеальной страны. И сам режиссер во всех интервью не устает повторять, что нарисовал Россию «не какой она была на самом деле, а какой должна быть». То есть при определенных условиях созданная на экране Россия, «идея России» может, так сказать, материализоваться, и окажется, что мы ее потеряли, во всяком случае, можем вновь обрести. Но если идеал Михалкова — страна, где народ, сойдясь стенка на стенку, смачно бьет друг друга по сусалам, где люди пьют, как звери, а звери лакают водку, как люди, где молодые юнкера — читай, надежда нации — заходятся в истовом, нерассуждающем монархическом восторге, где злой рок, висящий над александровской Россией, сильнее закона и права, где никто не может (или не смеет) вступить за невинного юнкера, облыжно обвиненного в покушении на Великого князя, где кандалы и острог — конечный удел и для террориста, и для верного слуги Отечества, каким является главный герой, — то в такую страну я, простите, не хочу. Пусть в нее меня зовет даже такой давно и искренне любимый мною художник, как Никита Михалков. Тут одно из двух: или он снял картину более сложную, противоречивую, чем сам ее толкует (мне показалось, она должна вызывать не столько гордость за Россию, сколько горечь за бесцельно растрачиваемые народом духовные силы). Или заведомо «приспосабливает», «адаптирует» задуманную 12 лет назад ленту к текущему политическому моменту, к своим сегодняшним умонастроениям.

В любом случае о картине хочется думать, спорить, ее хочется пересмотреть... А это и есть признак настоящего искусства — тут я с Никитой Михалковым, высказавшим на днях эту бесспорную мысль, вполне согласен.